

гие полагали, что ничего еще не сделано и что дело только начинается. Требования «более последовательных умов» не были удовлетворены (см. начало лекции 26).

Грановский отмечает, что Реформацию подготовило подспудное недовольство, «тревожное состояние, ожидание чего-то лучшего» в различных слоях общества. Мимо его внимания не проходят «корыстные расчеты» немецких князей. «Каждое сословие,— подчеркивает он,— попыталось взять это движение и обратить в свою пользу» (см. лекцию 20).

Глубже, чем Ранке, Грановский раскрывает историческую обусловленность, причины Крестьянской войны как одного из направлений Реформации; он видит истоки ее в стремлении немецких крестьян облегчить то «яго, которое тяготело над ними в средние века»⁸¹. Он приходит к пониманию неизбежности столкновения крестьянами (доведенными «до крайней бедности») Лютеровской Реформации в своих «мирских» интересах; излагая, хотя и не совсем точно, содержание «12-ти статей», Гейльбронской программы, ученый находит здесь не только религиозные, но также политические и социальные требования. И хотя в его глазах это была «война, объявленная массами..., не знающими пределов своим требованиям», Грановский далек от оправдания Лютеровских призывов к расправе с крестьянами, с горячим сочувствием говорит об их ужасной участи после поражения восстания (см. конец лекции 20).

Причины поражения Крестьянской войны в Германии Грановский видит не только в недостаточном единстве внутри лагеря восставших, но и в отсутствии подлинной связи их с городами, защитная часть которых боялась «разгула демократических страстей». Вместе с тем он отмечает, что «города, где гражданство не было богато и сильно, подали крестьянам руку помощи»⁸².

Сопоставляя курс начала 40-х годов с более поздним, нельзя не видеть различий между ними. В первом случае Грановский, опираясь на исследования немецкого демократического историка Циммермана⁸³, более подробно раскрывал историю народного восстания, подчеркивая, что оно было, «без сомнения, самым сильным, самым значительным в ряду крестьянских движений»; признавал он и большое влияние Мюнцера на массы, «жадные до новых мыслей и перемен». Он отмечал, что движение в Тюрингии имело «более единства, потому что главою его был Фома Мюнцер»⁸⁴. В курсе конца 40-х — начала 50-х годов Грановский скупее на факты, сильнее и негативные мотивы в его оценках: так, его сму-

⁸¹ ГБЛ, ф. 178. 3598, XXV, л. 358.

⁸² Там же, л. 361.

⁸³ *Zimmermann W. Geschichte des grossen Bauernkriegs. Stuttgart, 1840, Bd. 1—2.*

⁸⁴ Архив АН СССР, ф. 28, оп. 3, № 11, л. 108—109.